

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

СОЛОПОВ Алексей Иванович

ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА:
ЕЁ ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА

Специальность 10.02.14 — классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2008

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена изучению греко-латинской географической номенклатуры как системы. Созданная в античности система греко-латинской географической номенклатуры была, наряду с системой дорог, организацией армии, системой образования и системой римского права, одним из важнейших неотъемлемых элементов существования Римской империи как единого государства.

Актуальность диссертации. Исследование греко-латинской географической номенклатуры как единого целого никогда не предпринималось. Между тем в науке накопилось столько материала по отдельным ее сферам, что назрела потребность в обобщении и систематизации этих данных. Без комплексного анализа достигнутых частных результатов невозможен дальнейший прогресс в изучении топонимии¹ классических языков, причем не только в ретроспекции, но и с точки зрения сохранения преемственности, а именно, в интересах научно обоснованной греко-латинской номотетической работы. Обобщенный в настоящем исследовании опыт анализа и систематизации греко-латинской географической номенклатуры как системы составляет актуальность работы.

Объект исследования. Ощутимого прогресса в исследовании географической номенклатуры можно достичь только при условии максимально полного учета всех известных топонимов классических языков античного периода в широком смысле, от появления первых памятников крито-микенской письменности до падения Константинополя. Поэтому объектом исследования стали все греческие и латинские топонимы, засвидетельствованные в письменных документах различных типов, а также в устной традиции, и собранные в общих и специальных энциклопедиях, словарях и справочниках. В качестве основного, хотя и не единственного,

¹ В реферируемой работе принимается ставшее общепринятым в отечественных ономастических исследованиях различие терминов "топонимия" (совокупность топонимов той или иной местности) и "топонимика" (наука о топонимах (географических названиях)), введенное В. А. Никоновым.

источника античной топонимии в работе используется "Баррингтонов атлас античного мира" Р. Тальберта.

Цель исследования — выявление основных закономерностей внешней (фонетической, морфологической, синтаксической) и внутренней (семантической) структуры греко-латинской географической номенклатуры. Достижение указанной цели делает необходимым решение следующих конкретных задач:

1. Выявление характера и степени структурированности греко-латинской географической номенклатуры.

2. Выявление формальных признаков, маркирующих названия различных географических объектов (оронимы, гидронимы, названия населенных пунктов и т. п.).

3. Изучение способов языкового выражения связей между географическими объектами различных категорий (город на берегу реки, город у подножия горы и т. п.).

4. Определение способа выражения относительной важности географического объекта в системе географической номенклатуры (деревня, село, город и т. п.).

5. Выявление национальной специфики греческой и латинской частей географической номенклатуры.

6. Выявление таких способов номинации, которые позволяют относительно точную датировку появления топонима.

Методологическая основа исследования. Работа выполнена в русле семасиологических и терминологических исследований, проводимых на кафедре классической филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Ее методологическую основу составило критическое сочетание традиционных филологических методов (морфологический анализ) с применением семасиологического анализа, разработанного акад. М. М. Покровским, и ономасиологического анализа, введенного А. Цаунером (изучение того, как соответствующее явление, в данном случае — географический объект, называется на соответствующем языке). Важной составляющей методики является распространение на топонимический материал понятия мотивации в этимологии. Разработанный автором метод анализа и представления материала позволяет не только учесть внешнюю структуру топонимов и значение их корня, а также других входящих в его состав морфем, но и в полной мере показать соотношение между топонимом и

обозначаемым им объектом, иными словами, вскрыть топонимическую логику, присущую греко-римскому миру.

Научная новизна. В диссертации впервые представлена относительно полная классификация всех названий населенных пунктов греко-римского мира согласно их значимости и в связи с другими географическими объектами, с которыми они соотносятся. Впервые прослеживаются системные отличия греческого и латинского материала географической номенклатуры, а также выявляется их единство на семантическом уровне.

Практическая ценность работы заключается в том, что современные гуманитарные исследования получают наряду с данными письменных памятников и археологических раскопок дополнительный независимый и довольно точный источник сведений о географии каждого отдельного объекта. Диссертация может быть использована в качестве важного вспомогательного материала в курсах латинского и греческого языков в высших учебных заведениях. Помимо того, результаты исследования, связанные с аспектами лексикологии и номинации, могут быть эффективно использованы в лексикографической практике.

Теоретическое значение работы состоит в том, что проведенное исследование греко-латинской географической номенклатуры как системы и обнаруженные закономерности ее структуры могут послужить методологической основой для аналогичных работ, посвященных другим топонимическим системам, как древним, так и современным. Как в теоретическом, так и в практическом плане работа может быть использована в такой сфере, как международная географическая номенклатура, роль в которой греко-латинской терминологической базы едва ли будет оспорена в долгосрочной перспективе.

Апробация работы. Материалы исследования докладывались и обсуждались на заседании семинара по индоевропеистике Института языкознания РАН (2004 г.), на коллоквиуме колледжа Всех душ Оксфордского университета (2004 г.), на всеобщем собрании Английского топонимического общества (Лондон, 2004 г.), на докладах, сделанных в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, 2004 г.) и в Галле-Виттенбергском университете им. М. Лютера (2005 г.), на конференциях "Ломоносовские чтения" (2005 г. и др.), "Чтения памяти профессора И. М. Тронского" (2005—2008 гг.) и "Фортунатовские чтения" (2006 и 2008 гг.), на конференции, посвященной 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера и 250-летию

со дня смерти И. Г. Гмелина (Галле, 2005 г.), а также в рамках учебного процесса и на заседаниях кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагается история изучения топонимии классических языков. Публикации, посвященные этой теме, весьма разнородны и выполнены в рамках различных наук (классической филологии, истории, географии, ботаники).

В отечественной классической филологии наиболее разработано изучение двух частей античной топонимии: топонимия Балкан и тесно связанная с ней по лингвистическому материалу топонимия Малой Азии и топонимы классических языков, локализуемые на территории Северного Причерноморья. В своей работе автор опирался на исследования Ю. В. Откупщикова (топонимы Малой Азии, Балкан и Северного Причерноморья), Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского (прежде всего, хетто-лувийские источники), В. И. Абаева (топонимия скифов, сарматов, алан и других иранских народов), О. Н. Трубачёва (топонимия Северного Причерноморья с точки зрения выявления связей его автохтонного населения с носителями индоиранских языков).

Автор считает своим долгом особо выделить значимость для него трудов Виктора Павловича Калыгина (1950—2004), оказавшего ему методическую помощь. В соавторстве с В. П. Калыгиным вышла и статья автора об одном из ключевых моментов для анализа истории латинской топонимической системы.

Из зарубежных филологов-классиков диссертация опирается прежде всего на труды П. Кречмера (догреческий субстрат), Г. Краэ (классические топонимы Иллирии, Апулии и Калабрии, а также топонимы, восходящие к так называемым "древнеевропейским" языкам), В. Георгиева и И. Тишлера (античная топонимия Балкан и Малой Азии).

Из числа относительно редких посвященных античным топонимам публикаций, выполненных географами, наибольшее значение для реферируемой работы имели книги И. П. и В. И. Магидовичей, а также Э. М. Мурзаева.

Среди трудов историков важнейшими для проведенного исследования явились отечественные работы по истории античной географии, выполненные А. В. Подосиновым, а также труды И. В. Пьянкова (античные представления о географии Средней Азии).

Некоторые важные аспекты предпринятой работы были обусловлены тем, что к теме греко-латинской географической номенклатуры нередко приходилось и приходится обращаться с практическими целями отыскания латинского названия ботаникам и другим ученым, пишущим по-латыни.²

Во Введении также дается обзор существующих словарей античных топонимов, без которых невозможны топонимические исследования: словарь греческих имён собственных В. Папе в переработке Г. Бензелера (1911 г.), словарь топонимов Малой Азии Л. Згусты (1984 г.), словарь названий городов Римской империи М. Захариаде (издается с 1992 г.).³ Отмечается, что значительная часть топонимического материала классических языков не собрана и не классифицирована, что заставляет обращаться к лексикографическим пособиям столетней и большей давности, например, к "Ономастикону" Форчеллини — Де-Вита.

Большинство вышедших научных трудов, в которых затрагивается тема греко-латинской географической номенклатуры, либо рассматривает эту тему вскользь, используя выработанные путем анализа античной топонимики выводы для получения результатов в другой области научного знания, либо изучают лишь небольшой фрагмент этой номенклатуры, как правило, один-два топонима, что не позволяет создать общей картины античной топонимии.

Единственным пока исследованием, в котором можно найти систематическое изложение фактов греко-латинской географической номенклатуры, остаётся книга В. Шульце (1863—1935)

² Подробнее об использовании античных географических названий в наше время, в том числе ботаниками, см.: Солопов А. И. Начала латинской стилистики (М., 2008), гл. IV "Географические названия и неологизмы в системе латинской стилистики", часть I "Географические названия" (с. 408-597).

³ *Lexicon of the Greek and Roman cities and place names in Antiquity. Ca 1500 B.C. - ca A.D. 500.* Ed. by K. Branigan and M. Zahariade. Fasc. 1-6-. Amsterdam, 1992-2002-.

"К истории латинских имен собственных", впервые вышедшая в Гёттингене в 1904 г. и затем несколько раз переиздававшаяся как самое авторитетное в своей области исследование.⁴ Книга В. Шульце, однако, посвящена прежде всего антропонимам латинского языка, а топонимика входит в поле зрения В. Шульце только как область, смежная с антропонимикой.

Еще несколько книг, будучи исследованиями топонимии различных европейских стран (в основном романских), могут считаться лишь предваряющими исследованиями греко-латинской географической номенклатуры как системы. В этом качестве важнейшими для автора были труд А. Риве и К. Смита "Топонимия Римской Британии" (1979 г.), для территории Италии — книга Дж.-Б. Пеллегрини "Итальянская топонимия" (1990 г.), для топонимии античной Галлии — ряд работ А. Доза: "Французская топонимия", "Географические названия" и созданный им в соавторстве с Ш. Ростеном "Этимологический словарь географических названий Франции". Многие топонимы Галлии (причем не только кельтского происхождения) анализируются с точки зрения этимологии и идентифицируются в книге члена Французской Академии Ф. Лота "Галлия".

Античные топонимы России и сопредельных стран до сих пор не были предметом отдельного исследования; тем не менее бóльшая часть относящегося к этой теме материала вошла в словарь, выпущенный двумя грузинскими учеными, Д. Д. Качарава и Г. Т. Квирквелией, в 1991 г. В словаре приводятся все известные в античности населенные пункты побережья Чёрного моря и прилегающих территорий (в частности, Скифии), организованные по алфавиту их русских названий.

Античная топонимия Северной и Западной Африки исчерпывающим образом исследована двумя французами — сначала С. Гзеллем в первых четырех томах его "Древней истории Северной Африки", а затем (с особым вниманием к античной Мавретании) его учеником, членом французской Академии Ж. Каркопино в его классической книге "Античное Марокко". В отечественной литературе этот раздел античной географии подробнее всего рассматривается И. Ш. Шифманом в его работе "Возникновение Карфагенской державы" (1963 г.).

⁴ Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen: Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse, Neue Folge, Bd. V, Heft 5, 1904 (=1966); Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen (1904). Mit einer Berichtigungsliste zur Neuausgabe von O. Salomies. [Zürich - Hildesheim,] 1991.

Античная топонимия Индии, Китая, Индокитая и других областей Юго-Восточной Азии превосходно анализируется в недавней работе Г. А. Тароняна.⁵

Для огромного большинства территорий, вошедших в греко-латинскую географическую номенклатуру, отсутствуют даже обобщающие работы предварительного характера, подобные перечисленным выше. Изучение номенклатуры этих территорий или не производилось вовсе, или велось в русле изучения того или иного античного автора, писавшего о географии.

Особое место в этом ряду занимает в работе анализ данных Птолема ("География" в издании 2006 г., осуществленном А. Штюкельбергером и Г. Грасгоффом)⁶ и Страбона (в новом критическом издании С. Радта, которое с 2002 г. начало выходить в Гёттингене).

Наиболее полным обобщением современных знаний о географической стороне античного мира является "Баррингтонов атлас греко-римского мира", изданный Р. Тальбертом в 2000 г.⁷ Этот атлас охватывает всю территорию Римской империи, а также Переднюю Азию, отчасти Среднюю Азию, Индию и Северное Причерноморье — места, не входившие в состав Империи, однако включавшиеся в состав ойкумены (*orbis terrarum*) и хорошо известные грекам и римлянам. Хотя составители "Баррингтонова атласа" не ставили перед собой филологических задач, однако благодаря полноте собранных в нем сведений он может служить хорошей основой для полномасштабного исследования греко-римской географической номенклатуры как системы.

Были приложены усилия к тому, чтобы каждый раздел был обработан крупнейшими специалистами в своей области: в частности, в ходе работы над разделом о Северном

⁵ Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). [Подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского (кроме отрывков в переводе В. В. Вертоградской, С. Г. Карпюка, М. Е. Сергеенко), примечания и аннотированный указатель Г. А. Тароняна. Введение д. и. н. А. А. Вигасина], М., [2007] [(Российская Академия наук. Институт всеобщей истории; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки)].

⁶ *Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Hgb. v. A. Stückelberger und G. Graßhoff unter Mitarbeit von F. Mittenhuber, R. Burri, K. Geus, G. Winkler, S. Ziegler, J. Hindermann, L. Koch, K. Keller. Einleitung, Text und Übersetzung, Index. 1. Teil. Einleitung und Buch 1-4. 2. Teil. Buch 5-8 und Indices. Basel, [2006].*

⁷ *Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Ed. by R. J. A. Talbert. Princeton and Oxford, [2000].*

Причерноморье "Баррингтонова атласа" ценные замечания сделал Ю. Г. Виноградов. Хотя составители атласа не включили в круг рассматриваемых территорий северную половину Средней Азии (в частности, Хорезм с его богатыми находками античного времени), Юго-Восточную Азию и южное побережье Китая, разработанная его составителями систематика облегчает не только идентификацию топонимов, но и их нахождение, а потому сохраняется и в настоящей работе.

Введение завершается рассмотрением традиции передачи географических названий на латинском языке и развитие латинской географической номенклатуры в послеантичный период и формулировкой постановки задачи — осмысления греко-латинской географической номенклатуры как системы с крито-микенской эпохи до 636 г. н. э., а для грекоязычных топонимов Византийской империи — до 1453 г.

Первая глава "Словообразовательные и семантические модели образования названий крупнейших городов, включая колонии, в греко-латинской географической номенклатуре" посвящена рассмотрению нескольких словообразовательных и мотивационных моделей названий населенных пунктов, объединяемых тем, что они использовались главным образом для номинации населенных пунктов высшего ранга, то есть крупнейших и важнейших городов.

В первой части рассматриваются названия крупных городов, содержащие в себе элементы *Augusta*, Σεβαστή, Σεβάστεια, Σεβαστόπολις, Αὐγουστόπολις — топонимы, производные от прозвища *Augustus* и его греческого эквивалента. Среди элементов, участвовавших в образовании названий крупных городов, особое место занимают элементы с основой *august*—, из которых важнейшим является слово *Augusta* в форме женского рода, которое, без сомнения, можно считать ключевым для всей категории крупнейших городов и колоний. Излагается исторический фон появления топонимов с элементом *Augusta* и делается вывод о том, что исторически топонимы этого типа предшествовали появлению прозвища *Augustus* в имени Октавиана Августа. С большой уверенностью можно утверждать, что элемент *Augusta* в географической номенклатуре и прозвище *Augustus*, присвоенное сенатом Гаю Октавию в 16 января 27 г. до н. э., имели одного и того же автора — Люция Мунация Планка, который основал первый город с элементом *Augusta* (*Augusta Raurica*) летом 44 г. до н. э. и который предложил сенату слово *Augustus* как почетный титул (Suet. Aug. 7, 4).

В зависимости от морфологической структуры среди топонимов с элементом *Augusta* можно выделить четыре словообразовательные модели. Первая модель "*Augusta* (субстант.)" или "*Augusta* (субстант.) + определение" (греческие производные Σεβαστή / Σεβαστόπολις / Σεβάστεια / Ἀύγουστόπολις) представляет собой употребление в названиях городов слова *Augusta* в качестве существительного женского рода с определением или без него. Как показало проведенное исследование, есть все основания считать, что существительным, подразумеваемым в топонимах с субстантиватом *Augusta* в форме женского рода, было слово *colōnia*. Наиболее веским аргументом в пользу этого является то, что в тех названиях, где *Augusta* выступает в качестве прилагательного, существительным почти всегда бывает именно слово *colōnia*. Было выявлено 24 топонима с существительным *Augusta*, из которых шесть лишены какого-либо определения, два имеют препозитивное определение (*Noua Augusta*), а остальные 15 имеют при себе постпозитивное определение.

В ситуации билингвизма Римской империи существовала необходимость создавать названия городов с той же имперской семантикой, но от чисто греческих лексических элементов. Поэтому довольно быстро для латинского прилагательного *augustus* и его производных было установлено соответствие в греческом σεβαστός. В названиях городов греческое σεβαστός, в отличие от латинского языка, нигде не встречается в качестве прилагательного, а всегда образует существительные. Вместе с тем большие словообразовательные возможности греческого языка по сравнению с латинским выразились в том, что одному латинскому слову *Augusta* в греческом соответствует три варианта: Σεβαστή / Σεβάστεια / Σεβαστόπολις. С точки зрения стилистики словоупотребления важно отметить, что соответствие *augustus* — σεβαστός никогда не использовалось в целях перевода названий. Иными словами, города с элементом *Augusta* имели в греческих текстах элемент Ἀύγουστα, а города с элементом Σεβαστή фигурируют в латинских текстах как *Sebastē*. Рассматриваются свидетельства обо всех топонимах этой модели. Обнаружено шесть топонимов *Sebastē* (с определением или без него), один топоним *Sebastia*, шесть топонимов *Sebastopolis* (включая современный Сухум) и три топонима *Augustopolis*.

В диссертации подробно анализируются исторические, географические и другие данные относительно каждого топонима, приводятся известные упоминания его в письменных и эпиграфических памятниках, указывается их локализация, включая современное название.

Вторая модель образования названий крупных городов, содержащих в себе элемент *Augusta* — «*colōnia* + *Augusta* + определение» — представляет собой словосочетание *colōnia Augusta* с определениями. Всего в географической номенклатуре встречается девять таких топонимов. В них слово *Augusta* синтаксически выступает в качестве прилагательного, определяющего слово *colōnia*. Практически все топонимы, названия которых состоят из сочетания *colōnia Augusta* с определением, имеют дублетные формы, характеризующиеся отсутствием слова *colōnia*, которое, таким образом, выступает в качестве факультативного элемента. Из этого можно сделать вывод, что семантически сочетание *colōnia Augusta* тождественно простому *Augusta*. Это подтверждает высказывавшееся в науке предположение, что с лингвистической точки зрения слово *Augusta* в топонимах представляет собой субстантиват, возникший из сочетания *colōnia Augusta*, где слово *colōnia* подразумевается.

Третья модель "существительное + *Augusta* (прил.)" представляет собой сочетание любого существительного с прилагательным *Augusta*. Чаще всего в этой разновидности встречаются названия, в которых прилагательное *Augusta* следует за элементом *Iūlia*. Подобно элементу *Augusta*, элемент *Iūlia* может выступать в названиях городов и в качестве субстантивата, и как прилагательное.

Четвертая модель "*Augusto*— + лексема (существительное) местного языка" отражает одну из интереснейших черт римской географической номенклатуры — использование лексем местных языков в сочетаниях с латинскими морфемами прозрачной этимологии. Следует отметить, что в данном случае приходится говорить именно о римской, а не греко-римской номенклатуре, так как в топонимии восточной части Империи такие случаи не засвидетельствованы. Всего обнаружилось семь латино-варварских топонимов (все они латино-кельтские), причем один из них (*Augustobriga*) применен для названия двух различных городов.

В диссертации высказывается предположение, что возможным прототипом для названий типа *Augusta* и *colōnia Augusta* могло послужить название *Iūnōnia*, данное Гаем Гракхом римскому городу, заложенному в 122 г. до н. э. на месте разрушенного Карфагена. Плутарх (Plut. Gracch. 32, 1), сообщая этот факт, приводит название римского города в виде существительного *Iūnōnia* (Ἰουλιωνία), однако предположение, что имеется в виду *colōnia Iūnōnia* "колония Юноны", вполне естественно. Косвенным доказательством правильности такого понимания может служить тот

факт, что в результате вторичной римской колонизации, начатой Цезарем и продолженной Августом, Карфаген приобрел название *Colōnia Iūlia Carthāgō*. Более очевидным прототипом названий этого типа было несомненно название римской колонии, основанной Цезарем на месте разрушенного в 146 г. до н. э. Коринфа. Эта колония, которая начала отстраиваться, по-видимому, еще при жизни Цезаря, получила название *Colōnia Laus Iūlia Corinthus* (ср. *colonia Corinthus* (Plin. n. h. IV 11), *colonia Corinthensium* (Apul. met. X 35)).

Анализ названий значительных городов позволяет сформулировать некоторые принципы и особенности номинации крупнейших населенных пунктов. В частности, практически полное отсутствие для прилагательного *Augustus* формы среднего рода единственного числа, весьма распространенной для других прилагательных, нельзя объяснить иначе, чем сознательным запретом или требованиями топонимической системы. Можно говорить о том, что в императорский период женский род единственного числа топонима стал ассоциироваться с крупными городами, а средний род единственного числа указывал на менее высокий статус населенного пункта.

Во второй части главы рассматриваются названия крупных городов, содержащие в себе элемент *Iūlia* или другие производные от родового имени *Iūlius*. Как в случае с элементом *Augusta*, элемент *Iūlia* может выступать или в качестве существительного, или в качестве прилагательного. В зависимости от этого, внутри этого типа существуют пять словообразовательных моделей: модель "*Iūlia* (сущ.)" или "*Iūlia* (сущ.) + определение", модель "*colōnia Iūlia*" или "*существительное (женск. р.) + Iūlia* (прил.)", греческие аналоги обеих латинских моделей с элементом *Iūlia* в субстантивном и адъективном употреблении, основа *Iūlio*— как первая часть составного греческого топонима, модель "*Iūlio*— + существительное местного языка".

Третьим типом названий населенных пунктов самого высокого ранга были названия, содержащие в себе греческий по происхождению элемент —*polis*, которым посвящена третья часть первой главы реферируемой диссертации. По-видимому, первоначально этот тип появился в римской номенклатуре только как "восточная" разновидность топонимов с имперским значением. Одним из наиболее ранних примеров, видимо, был город *Nīcopolis* (или *Actia Nīcopolis*), основанный Августом на том месте, которое занимал его лагерь во время битвы при Акции (согласно Кассиодору (Cassiod. MG. XI 134), город был основан в 30 г. до н. э.). Характерно,

однако, что этот топоним введен Августом в грекоязычной части страны. Несколько позднее возникли образования *Sebastopolis* и *Iūliopolis*, которые, с одной стороны, образуют греческие соответствия топонимам типа *(colōnia) Augusta* и *(colōnia)Iūlia*, а с другой стороны, продолжали традицию именования городов по имени правителя, которую можно проследить вплоть до начала эллинистической эпохи, и даже несколько ранее (*Alexandropolis*, *Philippopolis*, *Seuthopolis*, *Cyropolis*). Впоследствии стали ясны преимущества этой модели: она позволяет без морфологических затруднений образовывать название города от любого имени, как мужского, так и женского, причем получающийся в результате топоним понятен как грекоязычной, так и латиноязычной части населения и не нуждается в дублетах. Доказательством этого можно считать возникновение в эпоху поздней Империи топонимов этого типа в западной части Империи (см., например названный в честь правившего в 367—383 на Западе императора Грациана город *Gratiānopolis*, совр. Гренобль). Таким образом, топонимы этого типа были одним из наиболее явных проявлений греко-латинского билингвизма в системе географической номенклатуры. Неслучайно, что именно топонимом именно этого типа была названа новая столица Империи (*Cōstantīnopolis*), появившаяся в IV в. наряду с Римом (переименование Византия в Константинополь (как выражение того, что город был как бы заново основан) состоялось в 326 г., освящение ее как второй столицы — в 330). С точки зрения словообразования внутри этого типа можно выделить пять словообразовательных моделей: модель "основа имени (сущ. или прил.) с исходом на —o (вне зависимости от типа склонения) + —polis", модель "греческий генитив ед. или мн. ч. существительного + —polis", модель "греческое прилагательное в женском роде + —polis", модель "словообразовательный формант (не встречающийся в качестве основы слова) + —polis" / "предлог + —polis", модель "другие падежи и грамматические формы + —polis".

Вторая глава "Словообразовательные и семантические модели образования названий небольших городов" посвящена рассмотрению способов номинации населенных пунктов, располагавших в системе географической номенклатуры ниже, чем крупнейшие города.

Словообразовательные и семантические модели образования названий небольших городов характеризуются значительным разнообразием, резко контрастирующим с единообразием моделей названия крупнейших городов. Этот факт легко объясним: названия крупнейших и важнейших городов обычно давались сверху и изначально вписывались в нормы и требования греко-

латинской географической номенклатуры, в то время как названия малых городов в массе своей были традиционными, уже сложившимися к началу эпохи Империи, а общий античный дух уважения к традиции способствовал сохранению этих традиционных названий и тем самым — сохранению изначального своеобразия. Тем не менее это не значит, что названия малых городов не подчиняются требованиям данной номенклатуры — такого не могло быть хотя бы в силу того, что заметное число городов было основано в саму эпоху Империи и тогда же получило свои названия.

Поэтому методологически необходимо анализировать в первую очередь топонимы тех территорий, которые были освоены только в эпоху Империи: прежде всего Дакии и других Придунайских провинций, Британии, некоторых частей Северной Африки, на Востоке — прежде всего Месопотамии и сопредельных с нею областей, а также Аравии Петрейской (Каменистой), Понта, Армении и Закавказья.

В первой части этой главы рассматриваются названия небольших городов в форме среднего рода единственного числа, производные от императорских имен. Наиболее обычным грамматическим оформлением названий небольших городов была форма среднего рода единственного числа (лат. —*um*, греч. —*όν*). Названия небольших городов среднего рода, производные от императорских имен, по-видимому, следует рассматривать как исключения. К этой форме относится несколько названий, образованных от императорских имён: *Iulium Carnicum* (от родового имени *Iūlius*); *(Flāuium) Brigantium* (SPN, C1) (cf. Μαξιμιανόν (EGY, D1)). Малочисленность топонимов говорит в пользу гипотезы о том, что нормальным оформлением названия города, производного от имени императора, должна была быть форма единственного числа женского рода (*Iūlia, Flāuia*). По-видимому, каждый случай отступления от нормы имел особое объяснение.

Вторая часть главы посвящена названиям небольших городов, производным от названий рек. В топонимических системах различных народов широко известен способ образования названия населенного пункта от названия реки, на которой он расположен. Этот способ номинации чрезвычайно распространен, например, в русской топонимии, где он выражен в таких топонимах, как *Томск, Омск, Орёл, Вологда*. Такой способ номинации существовал и в греко-латинской географической номенклатуре. Его конкретное выражение при этом зависело от формы

названия реки. В обычном случае реки в латинском языке имеют либо форму II склонения мужского рода (*Rhēnus* ~ī, m.), либо форму I склонения мужского рода (*Allia* ~ae, m.), либо — III склонения мужского рода (*Tiberis* ~is, m.). В порядке исключения и в основном в поэтических текстах можно иногда встретить названия рек среднего рода (*Metaurum flūmen* у Горация), однако представляется, что это — производное от типа II склонения мужского рода. В соответствии с этим названия небольших городов, производные от названий рек, можно подразделить на три основные модели в зависимости от склонения, к которому принадлежало название реки.

Анализ топонимов позволил выделить четыре модели образования названий населенных пунктов от названий рек. Первая мотивационная модель названия небольшого города по названию реки — модель "средний род ед. числа II склонения от названия реки (мужского рода)" — характеризуется тем, что реке мужского рода с окончанием —us соответствует город, название которого образовано от той же основы с окончанием среднего рода —um, относительно распространена, причем и в Италии (*Arīminum* на реке *Arīminus*, *Āternum* на реке *Āternus*, *Lambrum* на реке *Lambrus*), и в провинциях (*Gariannum* в Британии (совр. *Burgh Castle* в графстве Норфолк) на реке *Gariennus* (? *Garriannus*, ныне р. Яр (*Yare*) и ее продолжение — эстуарий *Breydon Water*) — с небольшими фонетическими и орфографическими изменениями); но особенно частотна эта модель в Придунайских провинциях, где она образует один из регулярных способов номинации малых городов (*Margus* (ныне р. Морава) — *Margum*, *Cusus* — *Cusum*, *Timacus* (ныне р. Тимок) — *Timacum Maius* и *Timacum Minus*).

Вторая модель образования небольших городов от названий рек II склонения — "названия небольших городов на —us II склонения, по форме совпадающие с названием реки" — характеризуется полным тождеством формы и парадигмы (кроме, по-видимому, рода — хотя ни одного примера из текстов, где бы ясно, что нижеперечисленные города в соответствии с правилами грамматики согласуются с прилагательными женского рода, нет). К этой модели относятся следующие топонимы, локализованные только на территории Придунайских провинций: *Oescus* (BUL, B5; H2) — река *Oescus fl.* (BUL, B5; H2; F6) (ныне Искыр) и *Pincus* (YUG, D5) — река *Pincus fl.* (YUG, D5).

Третья модель — "названия городов I склонения, производные от названий рек I склонения". В отличие от II склонения, которое как в латинском, так и в греческом языках

располагало унаследованным от индоевропейского состояния противопоставлением флексии одушевленного (мужского) рода —*us* (—*os*) флексии неодушевленного (среднего) рода —*um* (*-on*), I и III склонения, к которым также часто относятся названия рек, не имеют таких морфологических возможностей. Поэтому основным типом образования названия малого города от реки стало для этих обоих склонений полное совпадение форм названия города с названием реки. Город и река должны были отличаться лишь грамматическим родом (впрочем, как известно, даже в классических текстах это правило иногда нарушается).

Четвертая модель представлена, таким образом, названиями городов III склонения, производными от названий рек III склонения (напр. *Aesis* (ITL, 42 E1) — река *Aesis fl.* (ITL, 42 E2)).

Третья часть второй главы посвящена исследованию названий небольших городов, производных от названий гор и мысов. Менее частой, чем по названию рек, мотивационной моделью образования названий малых городов было их именование по таким деталям рельефа местности, как горы и мысы. При образовании названия города от названия горы во всех встретившихся примерах оно полностью совпадает с названием горы (за исключением рода: мужского для горы и женского для города). Обнаружено два топонима такого типа образования: город *Pindos* (GRE, C3) — гора *Pindus M.* (GRE, A2; H2) и город *Eryx* (ITL, B2) — гора *Eryx M.* (ITL, B2).

Весьма своеобразный способ дифференциации однокоренных топонимов встретился на Сицилии, где реке *Pachynos fl.* (ITL, G5) в форме мужского рода II склонения соответствует мыс *Pachynum Pr.* (ITL, G5). Здесь неясно, какой топоним производный, а какой первообразный, но соотношение напоминает модель образования названий малых городов от рек.

Иногда название города производно от названия мыса. В том примере, который надежно засвидетельствован на территории империи, название города полностью совпадает с названием мыса: город *Οίασσώ* (*Οίασσω*) (SPN, D2) — мыс *Οίασσώ ᾽Ακρον* (SPN, D2). В действительности примеров на такой тип образования названий населенного пункта существенно больше, но в основном такие топонимы локализируются за пределами империи, например, фактория ᾽Αρόματα в Африке располагалась на мысу того же названия (ныне мыс Гвардафуй). Скорее всего, топоним этого типа образовывался в том случае, если с местностью знакомились начиная от побережья и постепенно продвигаясь вглубь материка.

В четвертой части рассматриваются названия малых городов, данные по важнейшим ориентирам и по объектам стратегического значения. Выделено пять моделей названий городов, в которых отражены наиболее заметные элементы ландшафта.

Первая модель "топонимы, содержащие в своем составе элемент *pōns*" — наиболее четко выраженная модель образования названий малых городов от местных ориентиров, представлена весьма многочисленной группой топонимов, образованных при помощи слова *pōns* "мост". Следует отметить среди названий городов этого типа такие, в которых мост, давший название городу, определяется родительным падежом имени императора. Тем самым подчеркивается важность этого населенного пункта, который представляет собой переходный тип от названия малого города к названию крупного города. Латинскому *pōns* соответствует в греческом языке слово *γέφυρα*. От этого греческого слова также образовано два названия городов: *Gephyra* (GRE, 50 C3) и *Gephyra* (TKY, 67 C4). Дисбаланс между числом латинских и греческих производных от понятия "мост" в названиях городов показывает, что эта модель номинации в греко-римской номенклатуре была латинской по происхождению. Причины ее слабой распространенности в грекоязычных провинциях, впрочем, не ясны и нуждаются в дальнейшем исследовании. Отличается и способ использования слова "мост" в латинской и греческой частях номенклатуры. Во встретившихся греческих примерах слово "мост" выступает без определений, в то время как в латинской части слово "мост" в единственном числе ни разу не засвидетельствовано (как название города) без каких-либо определений.

Далее в работе рассмотрены менее частотные модели образования названий небольших городов по выдающимся элементам местности: "топонимы, содержащие в своем составе элемент *turris*"; "малые города, имеющие в своем названии наименования воинских частей и подразделений"; "названия небольших городов, включающие слово "храм" и другие обозначения культовых сооружений"; "небольшие города, названные по принципу их расположения напротив других географических объектов".

В пятой части рассматриваются названия небольших городов, имеющих в своем составе слова *oppidum* и *municipium*; в шестой части — различные суффиксальные производные (топонимы, содержащие суффиксальный комплекс —*(i)ānum*; топонимы, образованные при помощи суффиксального комплекса —*(i)āna*).

Третья глава "Словообразовательные и семантические модели образования названий населенных пунктов городского типа с различной функциональной направленностью (кроме дорожных и береговых станций)" посвящена таким видам населенных пунктов, в наименовании которых содержится указание их функциональной направленности. Основными видами населенных пунктов, выделявшимися греко-латинской номенклатурой уже самим их названием, были военные лагеря и населенные пункты, связанные с ними; морские порты; города, имевшие значение религиозных центров; водные курорты и ярмарочные центры.

В первой части собраны и проанализированы названия населенных пунктов, содержащие в себе слова со значением "военный лагерь" (*castra, castellum, στρατός*), "крепость, форт" (*castrum*) и "военный городок" (*cānabae* или *cannabae*). Военные лагеря были специфически римским типом населенного пункта. При военном лагере обычно существовали люди, скупавшие военную добычу для дальнейшей ее перепродажи (маркитанты, лат. *līxae*, греч. *λεῖξαι*). Они не имели права жить в лагере и обосновывались поблизости. Вокруг лагерей довольно скоро возникали таверны, лавки и прочие коммерческие заведения маркитантов и торговцев, обслуживавшие военных. Рядом с такими торговыми комплексами, как правило, селились и сами торговцы, а также ушедшие в отставку солдаты. Совокупность зданий и сооружений (как торговых, так и жилых), располагавшихся при лагере, но за его пределами, называлась словом *cānabae* (CIL. III 940, 19; III 959, 18; XIII 1954) (реже встречается орфографический вариант *cannabae*).

С точки зрения географической номенклатуры важной чертой названий военных лагерей было то, что в них всегда присутствует слово *castra* "лагерь". Большое число военных лагерей и регулярность их названий обусловило своеобразие дальнейшего развития топонимической системы, например, в Англии и Уэльсе, где этот принцип был универсализирован, и названия с элементами, производными от *castra*, всегда указывают на наличие в древности римского города, причем иногда даже в том случае, если он не был военным лагерем. Так, Камулодун (*Camulodūnum*) не был военным лагерем, а был одним из крупнейших римских городов Британии, но в современном английском языке он называется *Colchester*, где вторая часть есть производное от *castra*. Правда, в городе Камулодуне располагалась стоянка XIV легиона. Примерами появления в раннем средневековье отсутствовавшего в греко-латинской топонимии элемента *castra* в названиях городов могут служить названия *Dorchester* (лат. *Durnouaria*), *Winchester* (лат. *Venta*

Belgārum), *Cirencester* (лат. *Corinium Dobunnōrum*) и многие другие. Среди топонимов, содержащих в себе элемент *castra*, в работе выделяется шесть моделей образования названий.

Названия крепостей, фортов и укреплений нередко содержали в себе слова *castellum* и *castrum*. Оба эти слова имеют значение "крепость, форт" и различаются лишь тем, что *castellum* может употребляться как нарицательное, а употребление *castrum* (в ед. ч.) ограничено географической номенклатурой. Из четырех греческих слов, обозначающих военный лагерь (στατόπεδον, στρατοπέδευμα, στρατοπεδεία, στρατός) в греко-латинской географической номенклатуре используется только одно (στρατός), причем оно засвидетельствовано только два раза и не имеет при себе определений: Στρατός (GRE, D4 et A3) и Στρατός (GRE, B2). В конечном счете малочисленность названий с корнем στρατός объясняется тем, что в Римской империи языком армии был латинский язык, и поэтому даже те лагеря, которые располагались на Востоке Империи, получали названия с латинским словом *castra*.

В эпоху перехода армии (и всего Востока Империи) с латинского на греческий язык как аналог латинскому *castra* стал широко употребляться появившийся ещё в эпоху эллинизма (начиная с Дифила — Diph. 57) греческий термин παρεμβολή "лагерь". С элементом παρεμβολή образованы следующие топонимы: *Parembole* (1) (EGY, 75 E2), (2) *Parembole* (?) (EGY, 81 C2), (3) *Parembole* (MAC, 49 D2); Αλεξάνδρου Παρεμβολή (EGY, 73 D4); Καινή Παρεμβολή (TKY, 87 F4).

В греческом языке существовало (в том же значении "лагерь") и заимствование из латинского *castra*, первоначально заимствованное в форме κάστρα (pl. tantum), точно соответствующей латинской, но еще в античный период вскоре замененной формой ед. числа κάστρον (cf. SEG. 34, 309 (Спарта, ок. 200 г. н. э.); IGRom. 3, 237; PFay. 50), продолжавшей существовать в этой форме и в среднегреческом (в том числе в географической номенклатуре — Μαυρόκαστρον "Чернигов"), и в новогреческом. С течением времени греческое κάστρον приобрело несколько иное значение, чем *castra*, и стало обозначать "крепость, форт". Только в этой форме ед. ч. слово фигурирует в географической номенклатуре. Один топоним с элементом κάστρον фиксируется в атласе Тальберга: Κάστρον Θηβῶν (EGY, 80 B2).

Факт заимствования *castra* в греческий неудивителен — он объясняется языковой монолитностью римской армии (видимо, именно по той же причине это слово проникло даже в арабский — как *qasr*); удивительно скорее появление конкурирующего термина παρεμβολή, что

можно объяснить лишь постоянно действовавшей в греческом языке тенденции к чистоте речи, т. е. избеганию любых заимствований.

Непосредственно связанное с идеей военного лагеря существительное *cānabae* (или *cannabae*) "населенный пункт при военном лагере, военный городок"⁸ тоже оставило след в греко-римской географической номенклатуре, так как от него произведено два топонима: *Can(n)aba* (TKY, G2) и *Cannabiaca* (?) (AUS, B4). Их немногочисленность контрастирует с множеством названий, образованных от *castra* и однокоренных слов. Вместе с тем малочисленность названий, производных от *can(n)abae*, логически объяснима: военный городок мог возникнуть только при лагере, а лагерь, по-видимому, обязательно должен был иметь в своем названии слово *castra*. Таким образом, для того, чтобы населенный пункт получил свое название от *can(n)abae*, должно было произойти редкое и почти уникальное стечение обстоятельств, при котором либо военный городок существует, а военного лагеря (уже?) нет, либо военный городок по своему значению существенно превосходит тот военный лагерь, к которому относится.

Вторая часть этой главы посвящена названиям городов с иной функциональной направленностью. Названия военных лагерей представляют собой, по-видимому, уникальный даже для греко-латинской номенклатуры случай полной унификации, при которой все топонимы одной семантики оформлены при помощи одного и того же элемента (*castra*); во всяком случае, пока не выявлено ни одного несомненного нарушения этого принципа: мы не знаем ни одного военного лагеря, в названии которого бы не было слова *castra* (косвенно об унификации названий лагерей свидетельствует и тот факт, что в древнеанглийском этим заимствованным из латинского

⁸ В этом значении слово следует считать *plurale tantum* (см. CIL. III 941, 19; III 1100, 4; XIII 5967 (*uicus canabarum*)); единственное число *cānaba* (или *cannaba* и мн. др. варианты) значит "сооружение не непосредственно военного, а торгового, хозяйственного или другого назначения, расположенное близ лагеря и используемое военными (магазин, ларёк, винный погребок, столовая, склад (каптерка), часовня и т. п.)" (CIL. III 1100; VI 1585 b, 8; VI 29722; XIII 1954; Ps.-Hier. app. serm. 142, 2; 237, 1; Ps.-Aug. serm. 121, 2; Ennod. carm. II 43 lemm.; Vict. Vit. 2, 35). В существующих словарях латинского языка эта дифференциация, как правило, отражена недостаточно чётко.

словом стали называть все населенные пункты, основанные римлянами, в том числе и те, которые никогда не входили в категорию военных лагерей).

За пределами армии такой унификации не было; тем не менее и некоторые виды населенных пунктов, в которых проживало в основном гражданское население, тоже обнаруживают высокую степень единообразия, внешне выражающуюся так же, как она выражена у топонимов с элементом *castra*, а именно путем прибавления к названию специального существительного — детерминатива, обозначающего категорию населенного пункта. К таким категориям относятся курорты, порты, эмпории (фактории) и святилища. Следует отметить, что в отношении некоторых из топонимов этих категорий можно усмотреть действие принципа подчинения географической номенклатуры военным нуждам, так как многие населенные пункты вышеозначенной конкретной направленности с точки зрения боевых действий представляют собой хорошие ориентиры на местности или имеют стратегическое значение.

В особую и довольно многочисленную группу оформились в греко-латинской географической номенклатуре названия городов, функционировавших прежде всего как курорты и минеральные источники. В латинском языке названия городов этого типа имеют в своем составе существительное *aquae* во множественном числе. В греческом ему соответствует либо точный перевод ὕδατα, либо, в случае, если речь идет о горячих источниках, греческое θερμαί. По-видимому, выделение курортов и минеральных источников в отдельную группу топонимов произошло впервые в латинском языке и лишь оттуда было калькировано в греческий. В латинском языке слово *aquae*, входящее в состав таких топонимов в качестве неперменной части, в этой форме *plurale tantum* имеет соответствие среди нарицательных существительных (хотя и довольно редко употребляемое: *cum ... e fontibus salubris aquarum usus subministrabuntur* (Vitr. I 2, 7); *ad aquas usque et Puteolos peruehantur* (Cic. Phil. VIII 9); *incircum eum locum aquae frigidae et caldae multae* (Varr. I. L. V 25)). В то же время в греческом языке ὕδατα как "минеральные воды" или "горячие воды" встречается исключительно в составе топонимов и, во-видимому, в этом значении засвидетельствовано впервые в римское время. В качестве дополнительного довода в пользу того, что греческое ὕδατα возникло как калька латинского *aquae*, можно привести тот факт, что именно слово ὕδατα используется для перевода латинских топонимов с элементом *aquae*,

например, Аквы-Секстиевы (лат. *Aquae Sextiae*) называются по-гречески ὕδατα Σέξτια (Ptol. II 10, 8), а Аквы-Неаполитанские (лат. *Aquae Neāpolītānae*) — ὕδατα Νεαπολιτανά (Ptol. III 3, 7).

Греко-римская модель названия водных курортов с элементом aquae с определениями, по-видимому, оказала значительное влияние на географическую номенклатуру европейских стран. Вплоть до нового времени сохраняется традиция называть такие города сходным образом: *Минеральные Воды*, *Железноводск*, *Кисловодск*. В работе выделено несколько моделей образований названий курортов с элементом aquae (греч. ὕδατα).

Менее распространена, по сравнению с моделью "*aquae* / ὕδατα + определение", модель "*thermae* (греч. θερμαί) + определение". Семантически греческое θερμαί значит то же, что латинское *aquae calidae*. Тем не менее топонимы с элементом *thermae* засвидетельствованы не только в грекоязычных областях, но и на Западе Империи, в том числе и в Италии.

Для обозначения портов и гаваней в греко-латинской географической номенклатуре был выработан специальный тип названия. Наиболее обычным способом именования портов и гаваней было сочетание слова *portus* (или греческого λιμήν) с определением: *Portus Altus* (GEO, G3) (точный перевод греческого Βαθὺς Λιμήν, откуда современное название Батуми). Бóльшим разнообразием отличаются греческие аналоги с элементом λιμήν, проявляющие способность сочетаться с бóльшим числом различных качественных прилагательных: напр., *Calos Limēn* (ныне Черноморское в Крыму).

Судя по греко-латинской географической номенклатуре, древние видели необходимость в том, чтобы отличать от портов в строгом смысле слова якорные стоянки, которые отличались от первых, видимо, отсутствием населения или тем, что население было весьма незначительным. Якорная стоянка называется по-гречески ναύσταθμος (мужского рода (Polyb. V 19, 6)), реже — в форме среднего рода ναύσταθμον (Thuc. III 6); латинским названием якорной стоянки было слово *statiō* (Caes. b. c. III 6, 3; Vlp. dig. XLIII 12, 1, 13), которое, однако, в этом значении в географической номенклатуре не встретилось. Речь идет, таким образом, о следующих топонимах: *Naustathmos* (LBY, D1) и *Naustathmos* (TKY, B3). Примечательно, что еще в двух топонимах то же слово имеет при себе приложение со значением "порт": *Naustathmos Limēn* (LBY, D1) и *Naustathmus Portus* (?) (ITL, G5).

Немногочисленную, но распространенную по всей греко-римской ойкумене группу топонимов составляют названия торговых факторий. Их формальной особенностью является наличие в них (чаще всего на втором месте, то есть в позиции приложения) греческого по происхождению слова *emporium* (греч. ἐμπόριον). В некоторых случаях слово *emporium* само по себе образует название населенных пунктов. Сюда относится один топоним из Италии *Emporion* (ITL, C5) и такой же топоним из Северного Причерноморья — Ἐμπόριον (пропущено у Тальберта), название, исключительно под которым город Танаис (современный Азов) известен в эпиграфике и которое встречается также в литературных источниках, начиная с Александра Полигистора (Alex. Polyhist. FGrHist 273 F 36 = Steph. Byz. s. u. Τάναις (p. 601, 11); см. также Strab. XI 2, 3; Ptol. III 5, 12; V 9, 16; VIII 18, 5).

В некоторых случаях ядром населенного пункта становилось святилище, то есть относительно большой комплекс культовых зданий, как правило, посвященных какому-то одному божеству. Для выражения понятия "святилище" в латинском языке используется слово *fānum*; в греческом ему соответствует субстантивированное прилагательное ἱερόν.

Четвертая глава называется "Словообразовательные и семантические модели образования названий дорожных и береговых станций". При строительстве дорог римляне, особенно в западной части Империи, где латинский язык господствовал безраздельно, практически никогда не встречали предшествующих дорожных сооружений и нередко прокладывали свои дороги в местах, которые до того были совершенно необитаемы. Кроме того, сами принципы строительства римских дорог, которые, как правило, были абсолютно прямыми, почти полностью исключали возможность прокладки дороги по уже существующей. В связи с этим при устройстве дорожных станций римляне не могли воспользоваться тем принципом, на котором обычно строится греко-римская географическая номенклатура, а именно принципом консерватизма и опоры на предшествующую традицию, и за отсутствием каких-либо населенных пунктов в ближайшем окружении были вынуждены в массовом порядке создавать совершенно новые названия. В доказательство того, что римляне везде, где только это было возможно, пытались пользоваться местными названиями, в работе приводится система названий фортов Британии, расположенных вдоль Адрианова вала: из этих 19 топонимов лишь три могут быть интерпретированы как однозначно латинские (*Concauāta*, *Magna*, *Pōns Aelius*), еще один случай

спорный (*Maia*), но прочие 16 (более чем три четверти) явно представляют собой названия, заимствованные из местных языков, несмотря на слабую заселенность местности.

Эти обстоятельства делают систему названий римских дорожных станций наиболее показательной с точки зрения выявления чисто римских принципов формирования географической номенклатуры. Здесь римляне были наиболее свободны в процессе создания топонимов и не были связаны никакими посторонними традициями. Большинство названий станций представляет собой указание на какой-то ориентир на местности, причем эти ориентиры имеют, как правило, военное значение. Иногда речь идет не об ориентирах в зрительном смысле (гора, отдельно стоящее дерево, роща), а о мало заметных визуально, но важных с хозяйственной и стратегической точки зрения объектах (источники воды: родники и колодцы).

Особую и четко очерченную группу топонимов образуют названия станций, расположенных на середине протяженности дороги между крупными городами (тип "*forum* + определение"). Этой группе топонимов посвящена первая часть данной главы. По подсчетам Кубичека (1904 г.), из 30 римских *uiae*, названных по именам их строителей, на 23 дорогах располагался одноименный *forum*, причем он находился точно на середине протяженности соответствующей дороги между двумя ее важными пунктами. Первоначально отсчет длины дороги, в соответствии с которым располагался *forum*, начинался от Римского Форума, а впоследствии — от одних из четырех ворот (*Porta Capēna*, *Porta Aurēlia*, *Porta Collīna*, *Porta Tiburtīna*); реже отсчет начинался от начала дороги, то есть с первых мильевых столбов. В республиканскую эпоху центральные станции (*fora*) предназначались для того, чтобы в случае необходимости быть резиденцией цензора, консула или претора. Таким образом, слово *forum* в составе топонима обозначало населенный пункт, имевший не только транспортное, но и административное значение. Прежде всего они, однако, ориентировались на функции цензора, которые не были ни юридическими, ни военными, а были связаны с финансами и торговлей. Именно такое определение функций центральной станции дается в извлечении Павла из Феста: *negotiationis locus, ut forum Flaminium, forum Iulium, ab eorum nominibus, qui ea fora constituenda curarunt; quod [etiam locis priuatis] et in uis et agris fieri solet* (Paul. Fest. 74, 15—18 L.) «словом *forum* называется место торговли, например, *forum Flāminium*, *forum Iūlium*, названные именами

тех, кто руководил их устройством; такие места устраиваются [и на землях, находящихся в частном владении] как на дорогах, так и в сельской местности».

В работе анализируется 41 топоним, в составе которого используется слово *forum*. Латинские названия, содержащие в себе слово *forum*, в греческой номенклатуре передавались обычно через заимствование из латинского φόρος. В зависимости от того, каков тип определения при слове *forum*, в работе выделяется четыре модели: модель "*forum* + род. падеж личного имени", модель "*forum* + род. падеж названия народа", модель "*forum* + притяжательное прилагательное от личного имени" и модель "*forum* + относительное или качественное прилагательное". Исследуется хронология возникновения названий с элементом *forum* и делается вывод о том, что древнейшими *fora* на дорогах были следующие: *Forum Licinī* (Plin. n. h. III 124; Плиний сообщает, что этот пункт упоминается уже Катонem Старшим), *Forum Līuī* (163 г. до н. э.) и *Forum Popilī* (132 г. до н. э.). В послереспубликанскую эпоху традиция устройства крупных станций на середине протяженности дороги между крупными городами сохранилась, однако созданные в это время станции уже не назывались словом *forum* — для их обозначения использовалось словосочетание *ad mediās*. Одна такая станция была устроена на Аппиевой дороге, топографически она располагалась точно между Римским Форумом и границей Лация; другая — на Эмилиевой дороге между Плаценцией и Аримином; третья — между Тицином (совр. Павией) и Августой-Тавринов (совр. Турином). По-видимому, все эти три станции были основаны в эпоху Августа.

Во второй части главы рассматриваются названия других дорожных станций, среди которых в отдельные группы выделяются названия, содержащие в себе слова *mūtātiō*, *mānsiō*, *statiō*; названия, представляющих собой сочетание предлога *ad* с названием ориентира (тип "*ad* + вин. п."); названия станций, содержащие слово *taberna*.

Названия некоторых дорожных станций содержали в своем составе слова со значением "станция" (*mūtātiō*, *mānsiō*, *statiō*). Помимо крупных центральных пунктов, называвшихся *fora*, на римских дорогах располагалось множество станций меньшего размера, имевших, в отличие от *fora*, чисто транспортное назначение. Эти станции подразделялись на те, где можно было лишь поменять лошадей (*mūtātiō*, Amm. XXI 9, 4; Cod. Theod. VIII 5, 34, 1), и те, где можно было и остановиться на ночлег (*mānsiō*, Arcad. (l. s. de mun. ciuil.) dig. L 4, 18, 10). Реже в значении "станция" встречается слово *statiō* (CIL. XIV 4120, 3; Ambr. in psalm. 1, 20; 1, 22; 1, 35; 17; Stat. silu.

IV 9, 19). Все три слова (*mūtātiō*, *mānsiō*, *statiō*), обозначающие станцию или разновидность станции, засвидетельствованы в качестве составных частей топонимов. Впрочем, таких случаев насчитывается немного.

В греко-латинской географической номенклатуре существительное *mūtātiō* встречается в одном топониме: *Aquilōnis Mūtātiō* (ITL, B2 et H3); только в одном топониме обнаружено и существительное *mānsiō*: *Sermione Mansio* (ITL, H3 et C4).

Слово *statiō* засвидетельствовано в топонимии шесть раз: *Maiensis Statio* (ITL, D3), *Statio Bilachiniensis* (ITL, F3 et A3), *Statio Caesariana* (ITL, C4), *Statio Plorucensis* (ITL, F3), *Statio Timaiensis* (ITL, F3; названа по реке *Timāuus fl.* (ITL, F4)), *Nemeto Statio* (совр. *North Tawton*, Девоншир, Англия) (отс. у Тальберта; вариант — *Nemetostatio* в слитном написании).

К этим названиям примыкают топонимы, образованные от слова *stabulum* "конюшня", хотя непосредственно не связанного с почтовой службой, однако фактически входящего в это понятийное поле. Таких топонимов два: *Stabulum Nouum* (SPN, 25 G4) и *Ad Stabulum* (FRA, 25 H3).

По-гречески дорожная станция называлась словом *σταθμός* (OGI. 701, 13 (Египет, II в. н. э., pl.) — о римской дорожной станции в пустыне). Весьма примечательно, однако, что слово *σταθμός* в географической номенклатуре отсутствует. Несомненно, это не простая случайность, а показатель того, что почтовая служба в Римской империи, как и армия, обслуживалась исключительно латинским языком в целях унификации и облегчения коммуникации в пределах всего государства.

Наиболее многочисленной группой названий станций являются названия, образованные по модели "предлог *ad* + винительный падеж названия ориентира". В качестве ориентиров, отмечающих местонахождение станции, выбираются объекты весьма различного рода: милевые столбы, середина пути (между двумя населенными пунктами), реки, колодцы, межевые столбы, культовые сооружения и постройки, вывески постоянных дворов и др.

Ориентиром, служившим для названия станции, нередко становились милевые столбы, которые отсчитывают расстояние от ближайшего крупного населенного пункта. Названия, образованные от числительных, обозначающих милевые столбы, являются одними из наиболее распространенных типов названий станций. Станции, расположенные ближе четвертой мили, в системе номенклатуры не встретились, зато далее в ней представлены почти все возможные

варианты: *Ad Quartum* (ITL, F4) "У Четвертого Милевого Столба", *Ad Quīntum* (ALB, B2) "У Пятого Милевого Столба", *Ad Sextum* (FRA, F2; ITL, B2; YUG, C5) (*Ad Sextum Mīliārem* (YUG, C5)) и т. д. вплоть до *Ad Centēsimum* (ITL, E3) "У Сотого Милевого Столба".

Менее точным, чем милевые столбы, но тем не менее нетрудно определимым ориентиром при движении по дороге, могла быть также середина пути. Впрочем, в тех случаях, когда речь идет о римских дорогах, путешественник в любом случае имел возможность определить середину пути не на глаз, а совершенно точно по расставленным по ней столбам. Таким образом, довольно распространенное название *Ad Mediās* или (более редкая форма) *Ad Mediam* можно считать одним из способов выражения числительных.

В большинстве случаев станция, расположенная на пересечении с рекой или на берегу реки, получала название, состоящее из двух слов, из которых первое было предлогом *ad*, а второе — названием реки в винительном падеже (*Ad Pādum* (ITL, F3), *Ad Rubicōnem* (ITL, C4), *Ad Rhēnum* (SWI, B2), *Ad Ōrontem* (TKY, B4)). Следует отметить, что нередко форма гидронима доходит до нас только благодаря названиям станций этой модели. Поэтому в некоторых случаях затруднительно решить, какова была форма именительного падежа у названия реки. Так, например, существует неясность в отношении латинского названия реки Босны, засвидетельствованного только в сочетании *Ad Basante* (CRO, F4; A4). В диссертации приводится тринадцать топонимов этой модели. Еще в четырех случаях в состав топонима включается слово *fluius*: *Ad Fluium Angitulam* (ITL, D4); *Ad Fluium Bradanum* (ITL, C3); *Ad Fluium Lanaricum* (ITL, B3); *Ad Fluium Sabutum* (ITL, D3). В названии станции *Ad fl. Tigrim* (TKY, E3) неясно, подразумевается ли в нем тоже *fluius* или его синоним *flūmen*. Неожиданно то, что во всех примерах существительное *fluius* стоит не в постпозиции, что было бы нормально для приложения, а перед собственно гидронимом. В единственном топониме, в котором местоположение станции указано не по отношению к одной, а по отношению к двум рекам, употребляется слово *flūmen*: *Ad Duo Flūmina* (?) (ALG, D2).

По крайней мере в одном случае ориентиром, служащим для названия станции, является не река, а ее часть: *Ad Ānsam* (UKG, H3) (*ānsa* "петля, поворот (реки)", ср. *Великие Луки*).

Если река, помимо своего хозяйственного значения, представляет собой хороший зрительный ориентир, то другие источники воды, служащие вехами для обозначения станций, по-

видимому, не были так заметны, но имели жизненно важное значение. Речь идет прежде всего об источниках и колодцах (особенно в пустыне). Источники подразумеваются в названиях следующих топонимов: *Ad Fonteclos* (ITL, F4), *Ad Fontem Felicem* (GEO, B3) (совр. Боржоми).

В случае *Ad Fontem Fēlicem* подразумевается, что этот источник содержит воду, обладающую особыми свойствами. Обычно населенный пункт, обладавший источником целебной воды, приобретал в греко-римской номенклатуре название по модели "*aquae* + определение", однако в данном случае различие состоит в том, что обычно имеется в виду цивилизованные и хорошо освоенные территории, где наличие особого рода воды приводило к созданию курорта с разного рода удобствами для приезжающих, которых, по-видимому, не было на территории современного Боржоми в римское время.

Одним из стратегически важных элементов местности были колодцы. Видимо, именно колодцы подразумеваются в следующих топонимах: *Ad Puteum* (LBY, E2) (в данном случае, в условиях близости Сахары, значение "колодец" можно постулировать с почти полной уверенностью), *Ad Putea* (BUL, B5), *Ad Putea* (SPN, D2).

Впрочем, слово *pūteus* употреблялось для обозначения любой вертикальной шахты, в том числе и шахты, используемой в горном деле. Из приведенных примеров первый скорее всего имеет в виду колодец в пустыне, а последний — горнорудную шахту.

Часто для названия станций берется сочетание *Ad Fīnēs*, реже *Ad Fīnem*. Вслед за Дж.-Б. Пеллегрини в работе предполагается, что в этом случае слово *finis* имеет значение "межевой столб".

Довольно часто в названиях станций встречаются слова, обозначающие храмы, святилища, часовни, алтари и другие культовые сооружения, представлявшие собой удобный ориентир на местности во время боевых действий. Вот почему и те названия станций, где за предлогом *ad* следует имя божества, видимо, следует толковать не идеологически ("под покровительством (такого-то) божества", а прежде всего топографически ("возле храма, алтаря, статуи и т. п. (такого-то) божества"). Среди названий станций встречается топоним *Ad statuās*, в котором употреблено слово *statua*, обыкновенно применяемое не к статуям божеств, а к статуям людей (всего отыскалось шесть станций такого названия, разбросанных по всей Империи: *Ad Statuās* (?) (HUN, 20 E2); *Ad Statuās* (HUN, 20 F3; 21 A3); *Ad Statuās* (ITL, 42 B2); *Ad Statuās* (ITL, 43 D2; 44 C2); *Ad*

Statuās (?) (SPN, 27 E3); ‘*Ad Statuās*’ (TKY, 52 C2)). Примечательно, что слово *signum*, обозначающее статую божества, отсутствует в названиях станций, что свидетельствует, по-видимому, не о том, что статуи божеств не служили ориентирами и основой для названий станций, а о том, что в нормальном случае статуя божества была легко узнаваема благодаря устойчивому иконографическому типу и, в отличие от статуй людей, безошибочно могла быть названа именем конкретного божества. Поэтому возможно, что за некоторыми названиями типа *Ad Ammōnem* (LBY, 35 E2; ср. ‘*Ad Ammontem*’ (?) (SYR, 69 C3)) скрываются именно названия статуй.

Постоялые дворы и торговые лавки имели красочно оформленные вывески, находившиеся на обращенной к дороге или улице стене. Вывески были разными и могли представлять собой как щиты или пластины с рисунками или надписями, так и предметы (например, постоянные дворы очень часто использовали в качестве вывески колесо, которое укрепляли на высокой жерди, чтобы его было видно издали). Вывески, называвшиеся *signum* (Quint. inst. VI 3, 38), иногда упоминаются и описываются у классических авторов. Примеры дошедших до нашего времени античных вывесок весьма немногочисленны и происходят в основном из Помпей. Например, одна из известных помпейских вывесок представляет собой терракотовую пластину, на которой изображены двое мужчин, несущих на длинной жерди амфору. Эта вывеска обозначала таверну, неподалеку от которой находилась молочная лавка — на ее вывеске изображен ребенок, доящий корову. Большинство топонимов этой мотивационной модели определяются как относящиеся к ней лишь предположительно, так как мы не имеем ни одного случая, чтобы античная вывеска дошла до нашего времени таким образом, чтобы она могла археологически подтвердить мотивацию именованного топонима. Основным принципом для помещения в категорию топонимов, производных от названий вывесок, являются поэтому свидетельства о существовании в античности вывесок того или иного рода, а также общие соображения.

К топонимам, производным от вывесок, с большой степенью достоверности относятся следующие: *Ad Rotā(s)* (ITL, F3); *Ad Rotās* (ITL, F2); *Ad Gall(īnāci)um* (?) (TUN, F3) (cf. *ospitalis a gallo gallinacio* (CIL. XII 4377)); *Ad Gallīnās Albās* (ITL, B1; B2); *Ad Dracōnēs* (?) (ALG, E1).

В названиях нескольких станций используется существительное *taberna*. В греко-римской географической номенклатуре *taberna* следует понимать скорее всего в значении "таверна, постоянный двор". Кроме того, в диссертации высказывается предположение, что во многих

случаях, где мы встречаемся с каким-то прилагательным женского рода множественного числа без определяемого слова, в топонимах подразумевается слово *tabernae*.

Пятая глава "Словообразовательные и семантические модели образования названий населенных пунктов сельского типа" посвящена исследованию способов номинации деревень, сел, сельских округов (волостей) и поселений. Топонимика населенных пунктов сельского типа для античности представляет собой одну из наименее разработанных областей. Объяснение этого факта лежит на поверхности: деревни и села по понятным причинам упоминаются в текстах гораздо реже, чем города, и, в отличие от дорожных станций, в обычных случаях не служили ориентирами для путешественников, так что не попадали они обычно и в дорожники (*itineraria*).

Сведения, которыми мы располагаем о населенных пунктах сельского типа, происходят в основном из двух источников: эпиграфических памятников, находимых, как правило, на месте локализации самого топонима, и из данных лингвистической реконструкции, которая в сочетании с историческими фактами во многих случаях показывает, что тот или иной современный населенный пункт был в римское время селом или деревней с таким-то названием. Эти сведения лишь в редких случаях удается подтвердить данными литературных источников. Задача нахождения модели, по которой образуются названия населенных пунктов сельского типа, таким образом, очень затруднена и не может быть решена в полном объеме без предварительных исследований.

Первая часть главы рассматривает названия сельских населенных пунктов, содержащие в своем составе слова со значением "деревня, село" и "волость" (*uīcus*, κώμη и *rāgus*).

Термины *uīcus* и *rāgus* различаются семантически: словом *uīcus* обычно обозначается отдельный населенный пункт сельского типа — по-видимому, вне зависимости от его размера, в то время как *rāgus* обозначает административно-территориальную единицу: довольно большой участок территории, приблизительно соответствующий по размерам дореволюционной русской волости или советскому и постсоветскому району, причем такой участок, где нет городского ядра, образующего несомненный центр этой территории. Как правило, паги были объединены общими религиозными культурами (обычно сельскохозяйственной направленности), что и обусловило дальнейшее семантическое развитие производного *rāgānus* от "относящийся к пагу" к "языческий".

Топонимы с элементом *uīcus* обнаруживают значительно большую вариативность употребления, чем другие участки греко-римской географической номенклатуры. Даже прилагательные, которые обычно либо полностью отсутствуют, либо представлены лишь словом *uouus*, в данном случае представлены пятью различными вариантами. Существительное *uīcus* в топонимике сочетается как с согласованными, так и с несогласованными определениями различных видов.

Названия населенных пунктов с элементом *κόμη* представляют собой точное соответствие названиям с элементом *uīcus* и служат греческим эквивалентом этого термина (или терминоэлемента), что и объясняет распространенность этих топонимов: они локализируются исключительно в восточной части Империи. В отношении структуры топонимы с *κόμη* весьма точно повторяют все модели, характерные для топонимов с элементом *uīcus*.

В отличие от слова *uīcus*, существительное *pāgus* в латинском языке обычно не обозначает компактного населенного пункта. Этим словом назывались общины в Италии (по крайней мере до эпохи Августа), характеризовавшиеся разбросанной застройкой и не имевшие в качестве своего центра населенного пункта городского типа, но обладавшие самостоятельным юридическим статусом. Наиболее важные вопросы пага решались на собраниях (сходах) каждого пага. Паг обладал собственными общественными фондами и администрацией, тесно связанной с центральной властью в Риме. Каждый паг непременно имел свое святилище, образовавшее центр пага и служившее местом собраний, будучи функциональным аналогом городских форумов. Таким образом, паги были нижней ступенью и основой римской муниципальной и фискальной систем.

Во второй части главы анализируются названия сельских населенных пунктов, в которых отразилось наличие крупного землевладения (содержащие слова со значением "поместье, имение" и "усадьба" (*fundus*, *uilla* и *praedia*)).

Исторически более новым явлением в топонимии сельских населенных пунктов по сравнению с *uīcus* и *pāgus* были названия, отразившие наличие крупного сельскохозяйственного землевладения. Основными терминами, которые употреблялись в этой сфере, были *fundus* (по-видимому, наиболее литературный способ выражения, судя по тому, что населенные пункты Италии имеют тенденцию к номинации этой моделью) и *uilla*. Практически только Северной

Африкой ограничен третий термин этого круга — *praedia*. Этот факт несомненно связан с известным из литературы распространением именно в Северной Африке типа очень крупного сельского землевладения, как правило, специализировавшегося на выращивании пшеницы. Слово *praedia* в данном случае можно поэтому переводить как "латифундия". Примечательно, в географической номенклатуре *praedia* фигурирует только во множественном числе, хотя в качестве имени нарицательного это слово вполне употребимо и в форме единственного числа. Объяснение этому факту может находиться как в области семантики (словом *praedia* называли нечто отличное от *praedium* "поместье"), так и в области регионального словоупотребления (как одна из особенностей африканской латыни). Что касается слов *fundus* и *uilla*, то семантическое различие между ними приблизительно соответствует различию между русскими терминами "поместье, имение" и "усадьба": в слове *fundus* речь идет прежде всего о наличии крестьянского хозяйства, а в слове *uilla* подчеркивается наличие господской усадьбы. На практике эти понятия мало чем отличаются друг от друга, так как в Древнем Риме, точно так же, как и в дореволюционной России, оба эти элемента обычно сосуществовали друг с другом.

В **Заключении** излагаются результаты выполненного диссертационного исследования.

1. Анализ греко-римской топонимии императорского периода показывает, что она имела ярко выраженный иерархический характер и представляла собой ряд подсистем, сложным образом соподчиненных друг другу. Каждая из этих подсистем (названия крупных городов, названия станций, названия сельских населенных пунктов и т. п.) имеет свои внешние, формальные особенности, выраженные в использовании моделей образования, характерных исключительно для данной подсистемы. Вместе с тем существуют такие особенности, которые характерны для всей греко-латинской географической номенклатуры в целом и не ограничены какой-то одной подсистемой или подсистемами. Эти особенности касаются различных аспектов внешней и внутренней структуры топонимов. Проведенное исследование впервые позволяет выделить способы номинации, общие для всех категорий греко-латинских топонимов античной эпохи.

В зависимости от важности населенного пункта и его функциональных особенностей при его именовании использовались различные формальные приемы, включающие в себя как элементы словообразования (определенные существительные и прилагательные, определенные суффиксы), так и элементы семантики (использование слов определенного значения). Эти

элементы внешнего грамматического оформления названий населенных пунктов неукоснительно соблюдались в течение всего императорского периода. Весьма редкие исключения, как правило, объясняются специфическим характером населенного пункта.

Первыми по степени важности следуют в этой иерархии крупнейшие города, включая колонии (*urbes, coloniae*), второе место занимают города меньшего значения (*oppida, municipia*), затем следуют населенные пункты городского типа различной функциональной направленности (крепости, порты, курорты и минеральные источники, ярмарочные центры), еще ниже располагаются дорожные и береговые станции (*stationes, mutationes, mansiones*), из которых наиболее значительные выделяются в особую категорию (*fora*), и, наконец, низшее место в иерархии занимают населенные пункты сельского типа (деревни, села, поместья).

Словообразовательные и семантические особенности номинации каждой из перечисленных групп населенных пунктов можно суммировать следующим образом.

Названия наиболее значительных городов и колоний оформлялись в греко-латинской географической номенклатуре с помощью определенных, только им присущих, элементов — лексем и формантов. Среди них особое место занимает элемент *Augusta*. Кроме того, в образовании указанных названий участвуют прилагательные в форме женского рода единственного числа, образованные от родовых имен императоров. Первым примером использования императорских родовых имен в топонимах были топонимы с элементом *Iūlia*. Необходимо отметить, что родовое имя императора, прозвище (*cognomen* или *agnomen*) императора, его почетные титулы, а также имена членов императорской семьи употреблялись в географической номенклатуре только для обозначения особо крупных или, в более редких случаях, имеющих уникальное значение населенных пунктов.

Названия населенных пунктов городского типа с различной функциональной направленностью обычно имеют в своем составе слово, обозначающее эту направленность (исключение составляют дорожные и береговые станции). Так, военные лагеря и крепости практически без исключений называются словами со значением "военный лагерь" (*castra, castellum, στρατός*) и "крепость, форт" (*castrum*) с тем или иным определением. Названия военных городков при лагерях могут содержать элемент *cānabae*. Названия курортов и минеральных источников маркируются особой разновидностью словоупотребления существительного *aqua*, при

котором оно рассматривается как *plurale tantum* (это довольно редкий случай лексемы, употребляющейся почти исключительно как топоним), для которого было создано греческое соответствие ὕδατα, а также существительным *thermae* (греч. θερμαί), указывавшем на горячие источники. В названиях портов почти всегда употребляется элемент *portus* (греч. λιμήν).

Среди названий дорожных и береговых станций отдельное место занимают названия особо крупных станций, расположенных на середине протяженности дороги между крупными городами. Названия таких станций всегда имеют в своем составе элемент *forum* с тем или иным определением, причем *forum* в этих случаях выступает как термин, не засвидетельствованный за пределами географической номенклатуры. Названия других дорожных станций отличаются от названий прочих населенных пунктов различной функциональной направленности тем, что они лишь в исключительных случаях имеют в своем составе слова со значением "станция" (*mūtātiō*, *mānsiō*, *statiō*). Наиболее характерным типом названия станций была обстоятельственная синтагма, состоящая из предлога *ad* и названием какого-либо местного ориентира в винительном падеже. Весьма часто таким ориентиром служил милевой столб. Другими видами названий станций были названия, содержащие элемент *taberna* "постоялый двор" и названия станций, образованные при помощи суффикса —*āria* (ж. р., ед. и мн. ч.), например, *Calcāria*.

Названия населенных пунктов сельского типа, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении, так как многие из них еще не введены в научный оборот, а значительная часть материала, которым мы располагаем сейчас, нуждается в проверке. Тем не менее можно констатировать, что среди способов образования названий сельских населенных пунктов было образование названий с помощью слов со значением "деревня, село" и "волость" (лат. *uīcus*, греч. κώμη), имеющих определение, выражающее обычно либо принадлежность человеку, либо принадлежность городу. Особый случай в топонимии сельских населенных пунктов составляют названия со словом *pāgus*, по своему значению приближающемуся к русскому "волость". Развитие крупного сельского землевладения (и повышение роли труда рабов и колонов в сельскохозяйственном производстве) отразилось в названиях сельских населенных пунктов появлением многочисленной группы названий, содержащих слова со значением "поместье, имение" (*fundus*, *praedia*) и "усадыба" (*uīlla*).

2. Структура и развитие греко-латинской географической номенклатуры определялись следующими основополагающими принципами.

Иерархический принцип заключается в том, что всё наиболее выдающееся и уникальное соотносится с императором, императорской семьей, реже — с официальными культами Римской империи. Чем менее значителен объект, тем менее значителен его эпоним. Поэтому в сфере именования населенных пунктов имена или титулы императоров или членов их семьи, а также другие слова, выражающие имперскую идеологию, в нормальном случае употребляются только в названиях или при переименовании крупных городов, а в названиях городов меньшего ранга либо не употребляются вовсе (см. отсутствие **Augustum*), либо маркируются другими окончаниями, позволяющими отличить их от городов первого ранга (*Iulium Carnicum*). Другим, вторичным и менее осознанным носителями языка, показателем принадлежности топонима к категории самого высокого ранга была форма женского рода, которая была противопоставлена форме среднего рода, тесно ассоциированной с городами меньшего размера.

Вторым принципом, на котором строилась греко-латинская географическая номенклатура, было соответствие географического названия римским религиозным представлениям, прежде всего — представлениям о благоприятном и неблагоприятном знаменнии (*bonum omen* и *malum omen*). Многие случаи переименования населенных пунктов римлянами были мотивированы исключительно этими соображениями. Одним из первых или первым исторически засвидетельствованным случаем переименования населенного пункта по религиозным соображениям было переименование Малевента в Беневент в 268 г. до н. э. (Vell. I 14, 5) при основании в этом городе колонии латинского права (позднее город приобрел официальное название *Colōnia Iūlia Concordia Augusta Fēlix Beneuentum* (CIL. IX 2165)). Плиний Старший приводит в качестве официального объяснения этого переименования именно формулировку *boni ominis gratia* (Plin. n. h. III 105). Действием этого принципа можно объяснить весьма малое число топонимов не только с корнем слова *malus*, но и вообще с сочетанием —*mal*—, даже когда оно этимологически не связано с этим латинским прилагательным (как это было и в случае в Малевентом (*Maluentum* или *Maleuentum*), название которого происходит от местного (мессапского?) *Malies* "яблочный"). Тем же принципом объясняется низкая частотность употребления в топонимах цветообозначений со значением "черный" (*niger* и особенно *āter*).

Вероятно, представлением о благоприятном и неблагоприятном знамении, а именно предпочтением нечетных чисел перед четными, распространенное у римлян, объясняются многие особенности дистрибуции числительных в системе географической номенклатуры. Видимо, принцип благоприятности и неблагоприятности знамения, связанного с именем, был универсальным, затрагивал все виды топонимов и действовал на протяжении всего периода существования греко-римской номенклатуры (быть может, только за исключением позднеантичного периода, характеризовавшегося сильным влиянием идеологии христианства). В качестве подтверждения того, что этот принцип действовал не только в названиях объектов самого высокого ранга и не только в ранний период существования Римского государства, можно привести название маленькой станции (и лагеря) в Нижней Мёзии, которая, судя по результатам археологических раскопок, была основана в императорскую эпоху, получив имя *Nigrīniāna* (в дорожнике — *Nigrinianis*), а ко времени Юстиниана (VI в.) упоминается уже только под названием *Candidiāna* (BUL, D4) (Proc. aedif. IV 7, 9).

Третьим принципом построения греко-латинской географической номенклатуры был принцип консерватизма и опоры на предшествующую традицию. За исключением населенных пунктов самого высокого ранга, которым присваивались идеологически окрашенные названия и которые составляют относительно незначительный процент от общего числа топонимов, греко-римская номенклатура обнаруживает большую устойчивость и стремление по возможности сохранять те топонимы, которые уже существовали ранее. Даже когда римляне были вынуждены основывать множество населенных пунктов в малозаселенных местностях, они нередко шли не путем создания новых латинских названий, как это обычно случалось при именовании дорожных станций, а довольно странным для современного взгляда путем присвоения местных названий новосозданным объектам: так, из девятнадцати известных названий фортов Адрианова вала 16 являются топонимами явно местного кельтского происхождения (*Coria*, *Aballaua*, *Vxelodunum*, *Luguualium*, *Camboglanna*, *Banna* (?), *Aesica*, *Vindolanda*, *Vercouicium*, *Brocolitia*, *Cilurnum*, *Onnum*, *Vindobala*, *Condercum*, *Segedunum*). Местное название часто сохранялось даже тогда, когда его фонетическая и морфологическая форма шла вразрез с нормами классических языков и затрудняла пользование такими словами (**Aremtha*, *Peretnouis*, *Tsimistea*, *Tarousebt* и т. п.).

Четвертым принципом построения греко-латинской географической номенклатуры был принцип билингвизма. Этот принцип предусматривал, что оба используемых в Римской империи официальных языка, латинский и греческий, равноправны. Практическим выражением этого принципа в номенклатуре является то, что почти каждая модель образования топонимов отражена как в топонимах латиноязычной Западной части Империи, так и в топонимах в основном грекоязычного Востока. Так, типу названий крупных городов с латинским элементом *Augusta* соответствует в греческих топонимах название Σεβαστή (с вариантами Σεβάστεια и Σεβαστόπολις), а в названиях сельских населенных пунктов типу названий с латинским элементом *vicus* соответствуют греческие названия с элементом κώμη (ср. *Vicus Mārtis* и Διοσκώμη). Следует отметить, однако, что билингвизм в номенклатуре крайне редко приводил к созданию гибридных греко-латинских образований, в которых одна часть представляла бы собой греческое слово или морфему, а другая — латинскую. Все случаи использования в пределах одного топонима лингвистического материала обоих языков сводятся к тому, что одна из этих частей воспринимается как имя собственное и тем самым утрачивает свою языковую принадлежность. С этой точки зрения возникший наряду с Σεβαστή, Σεβάστεια и Σεβαστόπολις вариант Αὐγουστόπολις объясняется не утратой представлений о чистоте языка (точнее, чистоте обоих языков), а изменением восприятия слова *Augustus*, которое из значимого имени, представляющего собой прилагательное по своему происхождению, превратилось в имя или титул правителя Римской империи, которое не подлежало уже дальнейшему анализу. Одним из наиболее ярких проявлений билингвизма было распространение в качестве названий крупных городов топонимов с элементом —*polis*, которые были удобны тем, что не требовали создания отдельной латинской соответствующей модели и воспринимались одинаково как на Западе, так и на Востоке Империи. При этом первая часть топонимов с —*polis* обычно представляла собой имя императора, которое обычно было латинским (например, *Cōstantīnopolis*). На общем фоне билингвизма греко-латинской географической номенклатуры особенно заметны некоторые существенные исключения. Так, отсутствие греческого элемента, во-первых, в названиях военных лагерей и, во-вторых, в названиях дорожных станций показывает, что как военная сфера, так и транспортно-почтовая служба (учрежденная императором Августом) были исключительно латиноязычными на всем пространстве Римского государства. Такой порядок несомненно был введен в целях

практической целесообразности и обеспечения четкого руководства этими двумя стратегически важными областями государственного устройства (сходные причины лежали, например, в основе существовавшего долгое время запрета составлять завещание на греческом языке, отмененного лишь Александром Севером и поначалу только в Египте).

3. Слова, составлявшие греко-латинскую географическую номенклатуру, по возможности были общепотребительными и использовались также и за пределами этой номенклатуры в других сферах жизни. Вместе с тем античная географическая номенклатура, как и топонимические системы других народов, имела в своем распоряжении такие лексемы, которые используются исключительно как топонимы или в составе топонимов и могли служить для различия топонима и имени нарицательного. Латинские слова, использовавшиеся только как топонимы, имеют весьма четкое значение, хотя и невозможно найти нарицательного слова той же семантики.

4. Греко-латинская географическая номенклатура развивалась поначалу лишь за счет того, что императорская власть считала необходимым, следуя примеру эллинистических правителей, отражать имперскую идеологию и прежде всего культ императора в именовании новых городов и при переименовании уже существовавших. Хронологически первым словом, использованным для выражения римских имперских ценностей в топонимике, был топоним *Augusta*, возникший, как показало настоящее исследование, незадолго до начала императорского периода. Топоним *Augusta* послужил образцом для многих возникавших впоследствии названий городов, в основе которых лежит родовое имя, титул или реже фамильное прозвище (cognomen) императора: *Iūlia*, *Caesarēa*, *Flāuia*, *Claudia*, *Aelia* и т. п. Тем самым в языке возникла довольно устойчивая ассоциация между женским родом названия города и его высоким статусом. Поэтому в тех случаях, когда по имени императора называли не крупный населенный пункт, а населенный пункт низшего ранга (первоначально такие случаи были, по-видимому, запрещены и постепенно начали распространяться только в эпоху Флавиев), стремление показать отличие статуса этого населенного пункта от статуса крупного города приводило обычно к выбору среднего рода (хронологически первый пример использования имени императора в названии небольшого города — *Iūlium Carnicum*; ср. появившееся в более позднее время *Flāuium Soluēnse* и др.). Это привело к появлению в географической номенклатуре вторичного по своему происхождению

противопоставления женского рода среднему как показателя противопоставления крупного города небольшому.

Дальнейший этап в развитии описанной системы был связан с изменениями, происшедшими в римской антропонимии позднего периода. Как известно, римские родовые имена, обычно имевшие окончания —*ius* постепенно стали вытесняться другими антропонимами. Правление императора Траяна (полным именем которого было Марк Ульпий Траян, *M. Vlpus Traiānus*), пришедшееся на 98—117 гг. н. э. и знаменовавшее наибольшее расширение Римской империи, с точки зрения топонимической номенклатуры стало поворотным пунктом в ее развитии — в это время возникли предпосылки коренного изменения сложившейся топонимической системы. Некоторые топонимы, созданные в честь Траяна, продолжали строго следовать традиции, заложенной Августом и сохраняли присущую ей систему противопоставлений (*Vlpia*, *Vlpia Traiāna*). В честь Траяна был назван также город меньшего размера — *Vlpianum* в форме среднего рода. Инновацией было то, что самые крупные города, названные в честь Траяна, имели название *Traiānopolis*, произведенное от фамильного прозвища (*cognomen*) императора, имевшего окончание —*iānus*. Это нарушало прежний порядок, при котором в названиях крупных городов высшего ранга могли использоваться только титулы императора (*Augustus*, *Caesar*) или его родовое имя (*Iūlius*, *Claudius*, *Flāuius*), но не использовались фамильные прозвища. Нововведение Траяна подготовило почву для формирования новых, более поздних, моделей образования названий городов высшего ранга (*Dioclētiānopolis*, *Iūstīniānopolis*). Ко времени Юстиниана относится возникновение нескольких новых моделей образования названий населенных пунктов от имени императора: эти модели выражены в топонимах *Iūstīniāna* f. и *Iūstīniānae* f. pl.

5. Своеобразие греко-латинской географической номенклатуры выразилось в отборе для именования географических объектов слов определенного значения и определенных понятийных сфер. Далеко не все существующие в языке слова и тематические группы слов одинаковым образом представлены в географической номенклатуре — в их распределении видна большая статистическая неравномерность, так как слова с некоторыми типами значений представлены в сотнях топонимов, в то время как другие значения и даже целые тематические группы полностью отсутствуют. В данном случае речь идет прежде всего не о словах, которые сами по себе обозначают географические объекты и естественным образом участвуют в географической

номенклатуре (*fluvius, mōns, castra, pōns* и т. п.), а обо всех прочих общеупотребительных словах, не имеющих прямой связи с обозначением каких-либо географических понятий. Из этих общеупотребительных слов крайне ограничено использование в топонимах слов таких понятийных сфер, как названия деревьев и названия животных.

Весьма ограничено употребление в топонимах имен прилагательных. Если исключить из общего числа прилагательных производные от географических названий и притяжательные прилагательные от антропонимов, то как латинская, так и греческая часть античной номенклатуры располагает ограниченным запасом прилагательных. Из слов, обозначающих непосредственно географические понятия, весьма примечательно отсутствие в греко-латинской географической номенклатуре слов со значением "брод" (лат. *uadum*, греч. πόρος m., πορθμός m., τέναγος n., διάβασις f.). По-видимому, отсутствие в античной топонимической системе способа именования населенных пунктов с помощью слов, производных от слова "брод", столь распространенного у новых народов (ср. нем. *Frankfurt*, англ. *Oxford* и многочисленные итальянские топонимы: *Vado, Vada, Vadarello, Guado, Vadaccio, Vadamorta, Vadalto, Vò* и др.), может быть объяснено историческими причинами.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

Монография

1. Начала латинской стилистики. М.: Издательство "Индрик", 2008 (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра классической филологии; Научный совет РАН по классической филологии, сравнительному изучению языков и литератур). 696 с.

Статьи в журналах и публикациях, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ (версия апреля 2008 г.):

2. О валентности суффикса *—ul—* в недиминутивном значении (в том числе о его роли для изучения происхождения III спряжения на *—io*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — III. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 12—14 июня 1999 г. СПб.: «Наука», **1999**, с. 82—84.

3. К этимологии латинского *Latium* ‘Лаций’ // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка 59 (2000), № 6, с. 40—44 (в соавторстве с В. П. Калыгиным).

4. De adiectiuorum extremitatis —ax capacitate quantumque illa ad coniugationum Latinarum origines repetendas conferat // Индоевропейское языкознание и классическая филология. IV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 12—14 июня 2000 г. СПб.: «Алетейя», **2000**, с. 96—98.

5. Об этимологии латинского *pulcher* ‘красивый’ // Индоевропейское языкознание и классическая филология — V. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18—20 июня 2001 г. СПб.: «Наука», **2001**, с. 135—136.

6. De supini in infinitiuo futuri passiu formis // Hyperboreus 7 (2001) Fasc. 1—2 (In memoriam A. I. Zaicev), pp. 295—300.

7. Anth. Lat. 231 Riese (восточные сладости в римской кухне) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 24—26 июня 2002 г. СПб.: «Наука», **2002**, с. 178—182 (в соавторстве с А. А. Григорьевой).

8. Индоевропейский корень *bherǵh—* «возвышенность» в итальянской этимологии и топонимии (*Frent(r)ani, Fertor, Ferentini, Furfo, Fregellae*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. . Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 16—18 июня 2003 г. СПб.: «Наука», **2003**, с. 196—201.

9. Топонимы с элементами *castra, castellum, στρατός* и *castrum* в системе греко-латинской географической номенклатуры // Индоевропейское языкознание и классическая филология — IX.

Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20—22 июня 2005 г. СПб.: «Наука», **2005**, с. 204—207.

10. Словообразовательная модель «*forum* + определение» в греко-римской географической номенклатуре // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. **2006**. № 2, с. 56—65.

11. Топонимы с элементами *Augusta*, Σεβαστή, Σεβάστεια, Σεβαστόπολις, Αὐγουστόπολις в греко-латинской географической номенклатуре // Вопросы языкознания (**2006**), № 3, с. 46—69.

12. Фитотопонимы в греко-римской географической номенклатуре // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 19—21 июня 2006 г. СПб.: «Наука», **2006**, с. 265—266.

13. Особенности обозначения места и отправной точки в прозе Цицерона // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18—20 июня 2007 г. СПб., **2007** (Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований. Научный Совет РАН по классической филологии, сравнительному изучению языков и литератур), с. 288—289.

14. *Principatus medio* (Plin. NH. XIII. 74). К проблеме интерпретации производства папируса у Плиния Старшего // Вестник древней истории, **2007**, № 1 ([Памяти Михала Леоновича Гаспарова (1935—2006)]), с. 9—19 (в соавторстве с Е. В. Антонец).

15. О позднелатинской тенденции произношения слов греческого происхождения с греческим ударением, прежде всего в христианской лексике (по поводу латинского названия реки Иордан) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23—25 июня 2008 г. СПб.: "Нестор — История", **2008** (Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований. Научный Совет РАН по классической филологии, сравнительному изучению языков и литератур), с. 407—408.

16. Круглый стол "История русского языка и греко-латинская словесность в России" // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. **2008**. № 3, стр. 198—211 (в соавторстве с А. И. Золотухиной).

По теме диссертации также имеются следующие публикации:

17. Этимология и первичное значение лат. *poliō* в свете балто-славянских параллелей // Балканские древности. Балканские чтения — I. Материалы по итогам симпозиума. Март 1990 года, Москва. [Редакционная коллегия: Н. П. Гринцер, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян]. М., **1991** (Академия наук СССР. Институт славяноведения и балканистики), с. 67—70.

18. Особенности формирования эстетических представлений в латинском языке (Греко-латинские языковые и культурные контакты) // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). М., **1995** [Оргкомитет конференции: А. Ф. Журавлёв (председатель), Г. К. Венедиктов, Е. И. Дёмина, В. С. Ефимова (учёный секретарь), Л. Н. Смирнов, С. М. Толстая] (Российская Академия наук. Институт славяноведения и балканистики), с. 72—74.

19. Qua ratione aues ab auguribus sint obseruatae // Ancient Greek literature and contemporaneity. International Conference dedicated to the 125th anniversary of Grigol Tsereteli. Tbilisi/Tabakhmela 1996, 9—12 September. Abstracts of Papers. Tbilisi: [Tbilisi University Press], **1996** (Tbilisi Ivane Javakhishvili State University; The Ministry of Culture of Georgia), pp. 92—94.

20. Этимология и первоначальное значение лат. *culpa* // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. [Редколлегия: чл.-корр. РАН А. И. Домашнев, чл.-корр. РАН Н. Н. Казанский (отв. ред.), канд. филол. наук Е. Р. Крючкова (отв. секретарь), д-р. филол. наук И. А. Перельмутер, д-р. филол. наук С. В. Смирницкая]. СПб., **1998** (Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований), с. 183—185

(перепечатано (с исправлениями):

Этимология и первоначальное значение латинского *culpa*. // *Ius antiquum* — Древнее право № 1 (3) (**1998**), с. 82—84).

21. Др.-ирл. *laith*, лат. *Latium* и др. // Язык и культура кельтов—VI. — Celtic Languages and Cultures (VI). [Отв. ред. А. И. Фалилеев]. СПб.: «Наука», **1998**, с. 39—42 (в соавторстве с В. П. Калыгиным).

22. De particulae postpositivae —ul— (aut —ol—) capacitate quantumque illa ad coniugationum Latinarum origines repetendas conferat // Colloquia classica et Indo-Europeica. II. Классическая филология и индоевропейское языкознание. Под редакцией Н. Н. Казанского. СПб.: «Алетейя», **2000** (Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Институт славяноведения), с. 105—106.

23. История и предыстория в латинском языке и отглагольные имена // Вторые научные чтения. Тезисы докладов. 26 октября—2 ноября 2000 года. [Организационный комитет: С. Аршембо (председатель), Ю. А. Клейнер (председатель) (и др.)]. СПб., **2000** (Петербургское лингвистическое общество), с. 40—41.

24. Изучение исторической грамматики латинского языка на современном этапе. [Послесловие к кн.:] Тронский, Иосиф Моисеевич. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Второе дополненное издание подготовили: А. В. Грошева, Н. Н. Казанский, М. Л. Кисилиер, Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель, А. И. Солопов. М.: Издательство «Индрик», **2001** (Архив РАН (Санкт-Петербургское отделение). Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук), с. 489—525 (в соавторстве с Н. Н. Казанским).

25. De rarricidae uocabuli etymo // Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание. [Редактор В. А. Кочергина.] [М.:] Издательство Московского университета, **2001** (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Филологический факультет), с. 290—292.

26. De uocabuli, quod est «pulcher», origine et significatione principali deque eius adiectivi gradibus et aetatibus ad Michaellem Gasparov Leonis f. Virum Clarissimum // Colloquia classica et Indogermanica. III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. Под редакцией Н. Н. Казанского. СПб.: «Наука», **2002** ([Российская Академия Наук, Институт лингвистических исследований РАН; Институт мировой культуры при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова]), с. 235—252.

27. Ботаническая латынь в Санкт-Петербурге // Наука и техника. Вопросы истории и теории. Материалы XXIV годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург и мировая

наука» (23—27 июня 2003 г.). К 300-летию Петербурга. Выпуск XIX. СПб., **2003**, с. 218—221 (Российская Академия Наук. Санкт-Петербургский научный центр «Культура. Образование») (в соавторстве с А. К. Сытиным).

28. Заимствование как способ пополнения лексики в латинском языке: достигнутые результаты и перспективы изучения // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Сборник статей по материалам международной научной конференции (Москва, 22—24 января 2003 г.) [Сост. В. А. Кочергина]. [М.]: Издательство Московского университета, **2004** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет), с. 415—417.

(предварит. публикация: Заимствование как способ пополнения лексики в латинском языке: достигнутые результаты и перспективы изучения // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22—24 января 2003 года. М., 2003 (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Филологический факультет), с. 155—158).

29. The imperial context of place-names in Roman Britain // Journal of the English Place-Name Society [Nottingham] 37 (**2005**), pp. 5—18.

30. Impact of Classical Grammatical Lore on the Greek-Latin Phrase-books — Греко-латинские разговорники и отражение в них античной грамматической традиции // Античная грамматическая традиция в веках. Материалы международной конференции — Ancient Grammar and Its Posterior Tradition. Abstracts of International Colloquium. April 20—23, 2005 (Санкт-Петербургский научный центр РАН; Институт лингвистических исследований РАН; Санкт-Петербургский институт истории РАН; Seminarium Historiographiae Linguisticae, Katolieke Universiteit Leuven (Belgium), F. W. O. Scientific Network «History and Historiography of Western Linguistics»). [Отв. ред. Л. Г. Степанова, В. И. Мажуга]. СПб., **2005**, с. 63—66.

31. «Черное» и «белое» в латинской топонимии // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте. V международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Москва, МГУ им М. В. Ломоносова, 31 января — 3 февраля 2006 г. [Тезисы докладов]. [Сост. В. К. Казарян]. [М.:]. Издательство Московского университета, **2006** (МГУ им М. В. Ломоносова. Филологический факультет), с. 94—99.

32. Цветообозначения в латинском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. Ответственный редактор доктор филологических наук А. П. Василевич. М.: URSS [Издательство "Комкнига"], [2007], с. 66—76.

33. Древнейшие грецизмы в русском языке // В поисках утраченной Византии. Культура средневекового Новгорода и Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX—XV вв. Материалы конференции. Великий Новгород, 26—28.07.2007. СПб.; Великий Новгород, 2007 (Российская Академия наук, Институт истории материальной культуры. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Музей художественной культуры Новгородской земли), с. 48—49.

34. О произношении букв "ипсилон" и "ижица" в Византии и Древней Руси" // В поисках утраченной Византии. Культура средневекового Новгорода и Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX—XV вв. Материалы конференции. Великий Новгород, 26—28.07.2007. СПб.; Великий Новгород, 2007 (Российская Академия наук, Институт истории материальной культуры. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Музей художественной культуры Новгородской земли), с. 18—19 (в соавторстве с Д. Е. Афиногеновым).

35. A. I. Solorov. Η Σπουδή της αρχαίας Ελληνικής Γλώσσας και Γραμματείας στη Ρωσία // Οι Ελληνικές Σπουδές στην Ευρώπη. Ιστορική ανασκόπηση από την αναγέννηση ως το τέλος του 20ού αιώνα. Επιστημονική Επιμέλεια: I. N. Καζάζης σε συνεργασία με τη S. Velkova. Θεσσαλονίκη, 2007 ([Ελληνική Δημοκρατία.] Υπουργείο Εθνικής Παιδείας και Θρησκευμάτων. Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας), pp. 327-364, 433-434 (Μετάφραση στα ελληνικά Ευγενία Κριτσέφσκαγια).

36. О произношении понятий, выражающих христианскую лексику<> в латинском языке (по поводу названия реки Иордана) // Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Москва<> 29—31 января 2008. [М., 2008] (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Филологический факультет), с. 100.